

ЖИЗНЬ ГАГИ ОБЫКНОВЕННОЙ

Михаил ЧЕРКАСОВ

Гага, гагара и гагарка — совершенно разные птицы. А почему их имена так созвучны, не могут объяснить даже орнитологи из Кандалакшского заповедника, основанного в 1932 году с одной целью — сохранить популяцию гаги обыкновенной, птицы скромной с виду, но крайне ценной.

Гага — большая и тяжелая коричневая кряква, обитающая в арктических и субарктических районах, — в период насиживания птенцов подпускает к себе совсем близко. Раньше, бывало, уток ловили руками прямо на гнездах и кольцевали — но это в заповеднике. За его пределами жизнь гаги мало чем отличается от того периода, когда царская Россия заготавливала ежегодно тонны пуха и отправляла его в Европу. Сборщики не брезговали и яйцами — крупными, вкусными и питательными, да и саму птицу безжалостно отстреливали, ведь вес взрослой особи достигает 2–2,5 килограмма.

Гагачий пух, которым утка выстилает гнездо, — настоящее сокровище. Ничего теплее в пернатом царстве нет, и было бы странно, если бы человек не обратил внимания на уникальные свойства пуха гаги обыкновенной.

Куртки из аварийного запаса советских космонавтов набивались исключительно нежнейшим гагачьим пухом. Также этот материал использовался нашими альпинистами при восхождении на высочайшую вершину мира — Эверест.

Пух надо собирать, пока утка сидит на кладке, тогда он еще чистый и несвалявшийся. Чем раньше пух возьмешь, тем дороже его можно будет продать. И хотя сбор гагачьего пуха в России строго лимитирован, в Кандалакше на городском рынке им из-под полы торгует каждый третий — северному жителю от скромной утки много пользы. Все было бы хорошо, да только вот гага после общения с нашими северянами на гнездо возвращается не всегда.

СТРАНА ИСПУГАННЫХ ЗВЕРЕЙ

Почему гнездящийся у нас серый журавль не подпускает к себе самого изощренного фотографа ближе чем на сто метров, а на зимовке в Японии позирует перед местными, заглядывая в их «мыльницы» с совсем небольшого расстояния? Почему в Исландии гага обыкновенная не сходит с кладки, даже когда

из-под нее пух вынимают? А у нас, если просто близко подойдешь, слетает и, бывает, не возвращается больше в гнездо. И гибнут птенцы, так и не появившись на свет. Почему? В Исландии уже триста лет птицу не трогают. Суровые законы запрещают разорять гнезда гаги, а пуха из гнезда разрешено вынимать не более трети. Случись там, что гага совет гнездо на печной или каминной трубе, так все суровое лето исландцы не топят камин, ждут, пока птица с выводком не слетит на ближайшее озеро.

Кандалакшский заповедник сегодня оказался на грани выживания. А потому без поддержки энтузиастов, готовых бесплатно по несколько недель кряду заниматься учетом птиц, заповедник существовать бы не смог. Людей, работающих здесь, отличает удивительный склад характера.

Без помощи юннатов из Санкт-Петербурга, Мурманска и Кандалакши объемный учет птиц немыслим. Именно детвора — основной состав бригад учета, прочесывающих прибрежные камни и траву на островах и лудах, каменистых прибрежных отмелях Беломорья. Юннаты — народ пестрый. Кого-то родители отправили в лагерь, чтобы не сойти с ума от них дома, кто-то во дворе и сам без дела озвереть может. Есть и такие, кто с блокнотом и карандашом бегают за 80-летним Виталием Витальевичем Бианки и, захлебываясь от эмоций, рассказывает, что успел «научно зафиксировать», терпеливо просиживая долгие часы под бешеными атаками комарья. Вот парень лет девяти, стоя перед высоким стариком, отчитывается, как наблюдал за выводком кулика-сороки, сошедшим в поисках пропитания на литораль — участок берега, затопляемый во время прилива. А вот другой, постарше, бежит к Виталь Виталичу с расклеванным яйцом большой морской чайки и что-то азартно начинает рассказывать. Бианки в тысячный раз слушает то, что знает наизусть, но уважительно поддерживает «научную дискуссию».

Виталий Бианки — вам говорит что-нибудь это имя? Мне — да. Самые трогательные рассказы о животных из моего детства написал тоже Бианки, но

1

только Виталий Валентинович, отец нашего старика. А был еще и дед, Валентин Львович, заложивший в конце XIX века богатейшую орнитологическую коллекцию питерского зоологического музея, — видный зоолог-самоучка, секретарь Арктического общества. Наш Бианки — с седой шкиперской бородкой, в брезентовой куртке, резиновых сапогах — ученый-орнитолог, главный специалист по утке, гаге в том числе. Он хозяин Ряшкова — базового острова, откуда расходятся на катерах бригады на птичий учет. Он непререкаемый авторитет для взрослых и малых.

В дирекции заповедника старики-орнитологи чахнут всю долгую зиму, ожидая полевых работ. Надежда Степановна Бойко, хрупкая седая женщина, — бригадир нашего отряда, сплошь состоящего из молодняка 12–14 лет. Трудноуправляемые подростки ходят у нее по струнке. Именно так, развернувшись цепью на расстоянии 4–5 метров друг от друга, прочесываем луду за лудой. Между высадками молодежь, сидя на юте катера, налегает на «доширак» с чаем на воде из островного болотца.

Идешь в цепи юннатов или иных добровольных помощников вдоль каменистого берега. Внезапно гага вылетает у тебя из-под ног. Всполошилась и на

1. БЕЗ ПОМОЩИ ПОДРОСТКОВ СОТРУДНИКАМ ЗАПОВЕДНИКА НЕ ОБОЙТИСЬ
2. АЛЕКСАНДР КОРЯКИН РАБОТАЕТ В ЗАПОВЕДНИКЕ С 1976 ГОДА
3. ОБЫЧНАЯ КЛАДКА ГАГИ НАСЧИТЫВАЕТ 5–7 ЯИЦ
- 4, 5. УЧЕТ ГНЕЗД И ВЫЛУПИВШИХСЯ ПТЕНЦОВ В ЭТОМ ГОДУ БУДЕТ СВЕРНУТ 3 ИЮЛЯ
6. НЕОЧИЩЕННЫЙ ПУХ НАЧИНАЕТ ПОРТИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ПОСЛЕ СБОРА

воду недалеко села. Наблюдает за тобой, волнуется, суетится, подныривает, как будто кто ее ранил. Записываю отчет в журнал: гага, гнездо, четыре яйца, дистанция слета два метра, расстояние до воды семь метров, биотоп — скала, луг (это значит, что гнездо свито в траве между камней), пух — «два с плюсом». Пуха лучше «трех с плюсом» в гнездах, разбросанных вдоль берегов Кандалакшского залива, я ни разу за все несколько недель пребывания на Севере не встречал. Весь пух — в хвоинках, с застрявшей в нем сухой травой. Бывает, из-за стресса утка вообще одной травой гнездо выкладывает.

У орнитологов есть такой показатель — «процент невозврата». Чем ближе время вылуливания птенцов, тем меньше этот процент. Утка все настойчивее возвращается на гнездо после того, как кто-то ее спугнул. Мать все-

2

таки. Уж точно слышит биение сердца в скорлупе.

Дальше, если бригадир посчитает нужным, производится замер яиц. Штангенциркуль в руки: диаметр — 42, длина — 82 миллиметра.

На яйце засохший помет — кто-то гагу уже пугал, сгонял с гнезда. Свежий — мы спугнули.

У меня в руках детское ведерко с водой. Кладу каждое яйцо в воду. Если оно плавает сверху — кладка новая, торчит из воды под углом — кладке 2–2,5 недели. Погрузилось в воду по самую попку — скоро появится утенок. Черный, мокрый, несуразный, с непропорционально большим клювом и лапами. Скользкий, как вымазанный нефтью в кадрах экокатастроф. Птенцов обязательно кольцуют.

3

4

5

6

ТРОЕ В ЛОДКЕ БЕЗ СОБАКИ

Протяженность Кандалакшского залива около 160 километров. Островов, относящихся к заповеднику, больше сотни. При этом на балансе заповедника всего два малых рыболовных борта (МРБ) и восемь моторных лодок на кордонах. Из двух МРБ один обязательно на ремонте. Слесарь-ремонтника директор заповедника Александр Чавгун каждый раз вымаливает у руководства порта Кандалакши. На восемь моторок есть 12 моторов. Все отечественные, другими словами — постоянно ломаются. Один японский мотор получен по гранту. Он находится на самом дальнем кордоне, где безлюдно. Ближе такой мотор держать опасно — украдут. Обойти, обследовать, а тем более сохранить все владения заповедника с такой «славной» техникой невозможно.

К моему приезду Александр Степанович велел расконсервировать новый мотор. Лестно. В первый день с заместителем директора по науке Александром Корякиным идем на учет и кольцевание на этом моторе. Садимся в лодку. Александр Сергеевич, осмотревшись, говорит: «Пойдем километров на десять, не дальше. Мотор новый — неизвестно как себя вести будет. На всякий случай спрашиваю: на веслах сидели, грести умеете? Ну тогда все в порядке!» Третий в лодке — студент-практикант из Питера.

После каждой остановки на луде мотор долго не заводится — карбюратор не подсасывает. Приноровились заливать бензин в карбюратор прямо из шланга — заработало. Так и плавали весь день: Корякин — на учетных записях, студент — на руле, а я — на моторе и шланге с бензином. После каждой высадки от руля пахнет бензином и кислым

гагачьим пометом. На воде остаются радужные бензиновые разводы.

Уж не знаю, чью «светлую» голову посетила идея создать в заливе по соседству с заповедником крупную базу по перегонке нефти, но характерные радужные пятна на воде в последние годы встречаются здесь все чаще.

7 мая этого года произошел самый крупный разлив нефтепродуктов за последнее время. Общая площадь загрязнения составила почти 200 тысяч квадратных метров, губительная для всего живого пленка дошла до одного из самых крупных островов заповедной зоны — Ряшкова.

До Ряшкова из Кандалакши на МРБ идти часа два. На этот раз с нами плывет куратор Всемирного фонда дикой природы по Западной Сибири и Алтаю Елена Лебедева-Хоофт. Катер забросит ее еще

дальше — Елене предстоят две бессонные недели кольцевания куликов-сорок. Две недели без связи и электричества в компании с грызущими до костей комарами. Из вещей самое ценное — телескопы. Только в них можно разглядеть номер на кольце, надетом на птичью лапку.

— Дальше учет птиц будем проводить на островах, — говорит бригадир.

— Стоп! А сейчас мы где учитывали? Не на острове?

— Нет, на луде!

Заячья луда, луда Седловатая — каменные лбы, полого торчащие из воды. На них только травы, мхи да рыжий лишайник по камням. Уток тут всегда больше, да и пух чище, чем на островах, — без хвоинок. К тому же на островах и лисица, и медведь, и песец промышлять могут, а это лишнее беспокойство для будущей матери. Вот и выбирают утки эти камни для гнездования — меньше непрошенных гостей.

Страшно, когда мамаша со старшими птенцами уже на воде, а в гнезде лежит пищащее яйцо. Не выберется птенец из твердого кокона без внешней помощи.

Часы его сочтены, сколько в скорлупу ни бейся. Жуткий этот писк. Но только для новичка вроде меня. Главный орнитолог бесстрастно фиксирует жестокий круговорот жизни: гага, гнездо, три яйца, дистанция слета пять метров, биотоп... Труп гаги обыкновенной, труп птенца гаги.

Рядом с телом утки лежит перо орлана-белохвоста — он ее и забил. А птенцами пообедали серебристые чайки. Этим разбойниц в заповеднике, мягко говоря, не любят. Немало проблем уткам создают хищники. Лиса или песец легко ловят грузную мамашу прямо на гнезде, а медведь может проплыть десятки километров между островами-лудами в поисках кладок. Не выбирая гнезда, он давит мордой любые яйца и с наслаждением пьет сырую глазунью, одну за другой, от острова к острову. Этим мишек в Кандалакшском заповеднике называют инспекторами.

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

В компании подростков-юннатов идем к очередному острову для высадки на

учет. До острова остается метров сто, ближе на МРБ не подойти. Перебираемся на дюралевую плоскодонку. Из взрослых на лодке — я да матрос на веслах. Вторым рейсом с МРБ на остров пойдут бригадир и остальные юннаты.

— Стоп! Всем назад! — кричит с МРБ бригадир. — На острове медведь!

И действительно: над хищником вопят чайки, пикируют на косолапого. Он не обращает внимания и тыкается мордой в следующее гнездо. Чайки все злее, и их все больше. Медведь начинает небрежно огрызаться на птиц, ему явно мало пары разоренных гнезд, и он продолжает свой разбой вдоль берега. Вопли чаек все громче, удары клювами достигают цели. Зверь встает на задние лапы и теперь занимается только тем, что отгоняет чаек. Отмахивается лапами. Красавец! Метра два, не меньше, шерсть лоснится. А у меня аккумулятор фотокамеры разрядился — третий день без электричества по островам плаваю.

Заклевали вконец чайки мишку, и он, как нагадивший кутенок, низко опустил башку, пустился галопом вдоль берега

к каменному мысу, с которого ласточкой сиганул в воду. И только тут чайки от него отстали. Медведь поплыл на другой остров, и мы тоже уходим. От греха подальше.

Часть территории заповедника находится на Айновых островах Баренцева моря и архипелаге Семиостровье. Там учет не ведется уже несколько лет: нет денег. Раньше была база на Айновых. Милейшую чету орнитологов — Рюрика Чемякина и Иветту Татаринкову — пограничники забрасывали туда на катере в апреле-мае, а снимали в августе. Бывало, несколько раз подходили к острову и возвращались ни с чем — шторм не подпускал к скалам. А случилось, и забрать не удавалось. Заканчивался НЗ, катер болтался в пятистах метрах от скал, но ближе подойти не мог — и так порой одну, а то и две недели. Каждую зиму в течение 30 лет Рюрик и Иветта спиртовали продукты, сушили хлеб, вялили мясо — готовились к заброске.

Для связи с Большой землей — рация. Вокруг тупики, гаги, чайки, серые гуси, камнешарки, крачки, чистики. Ветер,

ЛЮДИ, РАБОТАЮЩИЕ В КАНДАЛАКШСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ, — НАСТОЯЩИЕ АЛЬТРУИСТЫ

дожди и шторм в двухстах метрах от порога. И так все 30 лет! Разве не целая жизнь? Там был мир этих ученых, счастье их жизни. Сейчас все рассказы — о тех днях, о птицах, о море, об острове.

Рюрик Григорьевич вспоминал, как пробовал автоматизировать очистку гагачьего пуха. Были куплены хоккейные шайбы, решетки для сушки посуды, микропористая резина, шампуры для шашлыков, зубные щетки, валики для глянцеования фотобумаги, канцелярские скрепки, полотно для ножовки по металлу. Была идея соорудить конвейер. Увы, неудачно.

Технология по очистке гагачьего пуха — промышленный секрет. Им в полной мере обладают только японцы. Даже Исландия, производящая 90% всего пуха-сырца, чистит его на японских ма-

шинах. Почему Япония? Да потому, что именно японцы — основные покупатели пуха-сырца и основные производители одеял с гагачьим пухом. У них, между прочим, стандарт зимней температуры в домах — всего 13 градусов тепла!

На Ряшкове собранный с покинутых гнезд пух раскладывают на туго натянутой раблице и методично колотят по нему палками. Тяжелый мусор постепенно выбивается под сетку. А вот легкий и хрупкий при такой технологии дробится и еще пуще застреивает в очень цепкой структуре уникального пуха. Можно поставить пух в кастрюлях в горячую печь или духовку. Из-за высокой температуры пух быстро распрямляется и отпускает застрявший в нем сор — опять же не весь, а особо тяжелый. Здесь тоже все заканчивается чистой вручную.

Пришел я домой к супругам-орнитологам в восемь вечера, просидели до глубокой ночи. Они рассказывали, а я слушал. Подарили мне весь пух, что когда-то собрали на Айновых островах. Но главное, по-моему, были готовы отдать мне весь свой мир этих чудесных островов.

Господи, храни этих стариков! ■